

УДК 902/904

<https://doi.org/10.24852/pa2023.1.43.40.53>

О КУЛЬТУРНО-ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ПАНФИЛОВСКОЙ СТОЯНКИ

© 2023 г. В.В. Ставицкий, В.В. Морозов

В статье анализируются материалы, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея. По результатам раскопок этой стоянки В.А. Городцовым была выделена панфиловская археологическая культура, отнесенная им к палеометаллической эпохе, которую он датировал второй половиной III тыс. до н. э. Данный вывод был оспорен А.Я. Брюсовым, который отнес панфиловские древности к позднему этапу развития волосовской культуры. Его точка зрения, поддержанная другими исследователями, долгое время сохраняла свою актуальность. В.П. Третьяковым энеолитическая керамика стоянки была разделена на посуду раннего и позднего этапов. Исследования авторов материалов Панфиловской стоянки показали, что к волосовской культуре принадлежит только керамика, отнесенная В.П. Третьяковым к ранней группе. Остальная посуда относится к имерской культуре, испытавшей определенной воздействие волосовских керамических традиций. Радиоуглеродные даты имерского поселения Волгапино свидетельствуют о том, что хронология памятника, предложенная В.А. Городцовым, достаточно реалистична.

Ключевые слова: археология, энеолит, Русская равнина, Панфиловская стоянка, периодизация, волосовская культура, имерская культура, последняя треть III тыс. до н. э.

Материалы, методы и результаты исследований.

В 1924 г. В.А. Городцовым была раскопана Панфиловская стоянка (рис. 1), на материалах которой была выделена особая панфиловская культура, по находкам ряда медных предметов отнесенная им к палеометаллической эпохе (Городцов, 1926, с. 13). Период существования стоянки был определен второй половиной III тыс. до н. э. На это время, по его мнению, указывало наличие определенных аналогий медному клину в северокавказских древностях, а треугольному наконечнику – кремневой стрелы в материалах донецких катакомбных погребений, с посудой которых совпала и профилировка ряда панфиловских сосудов (Городцов, 1926, с. 18).

Однако данная хронология, как и выделение особой панфиловской культуры, были оспорены А.Я. Брюсовым, который синхронизировал панфиловские материалы с поздним этапом существования Волосовской стоянки. В качестве одного из аргументов их синхронизации он рассматривал находки сверленных шлифован-

ных топоров (Брюсов, 1952, с. 78), не учитывая того факта, что в отличие от Волосовской стоянки в Панфилово подобный топор был найден в закрытом комплексе – очаге землянки. Точка зрения А.Я. Брюсова была поддержана И.К. Цветковой, которая отнесла энеолитическую керамику стоянки ко второму периоду волосовской культуры (Цветкова, 1953).

Энеолитическая керамика Панфиловской стоянки, хранящаяся в ГИМ, в 1967 г. была проанализирована В.П. Третьяковым, который разделил её на два комплекса. К первому была отнесена керамика с примесью в тесте раковины с прямыми или отогнутыми наружу венчиками и уплотненными днищами, ко второму – керамика с органическими примесями, Г-образными венчиками и плоскими днищами. Было выделено 25 мотивов орнамента, девять из которых были общими для обеих групп. К отличительным признакам первой группы посуды им были отнесены: мотивы из коротких оттисков зубчатого штампа, композиции из рядов овальных оттисков штампа в сочетании с горизон-

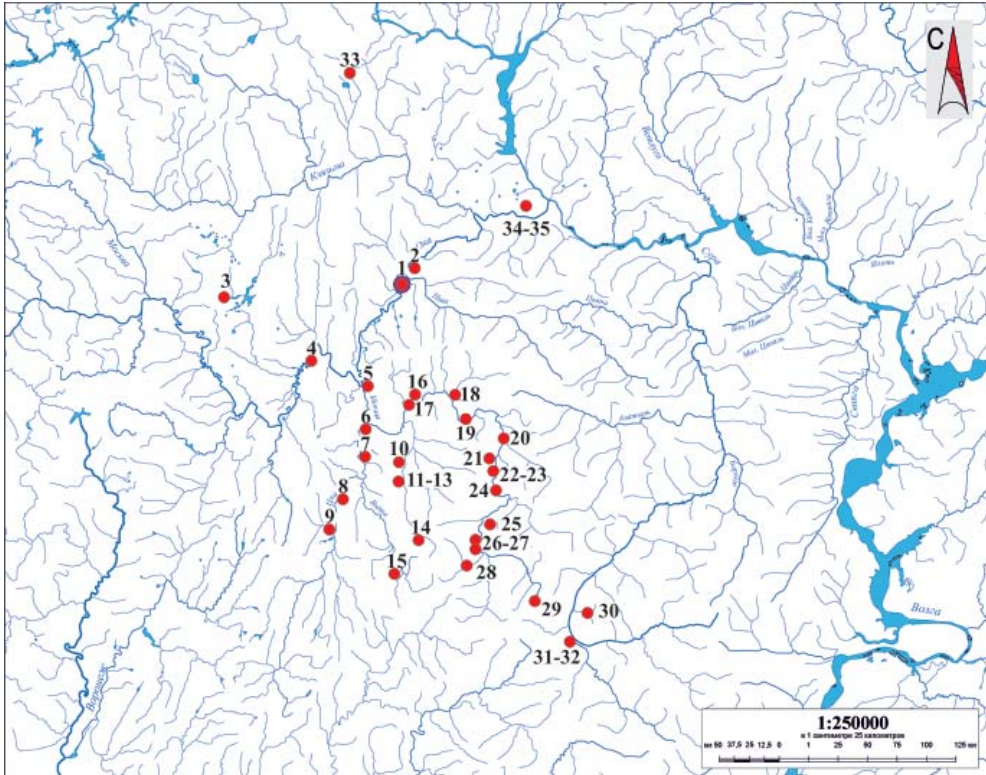

Рис. 1. Карта памятников имеркской культуры: 1 – Панфилово; 2 – Садовый бор; 3 – Черная гора; 4 – Ибердус; 5 – Лебяжий Бор VI; 6 – Мыс Доброй Надежды; 7 – Сорга; 8 – Засичное I; 9 – Цигуров Бугор; 10 – Киселевка; 11–13 – Имерка V, VI, VIII; 14 – Ширингуши; 15 – Земетчино; 16 – Широмасово II; 17 – Широмасово I; 18 – Нижний Сатис; 19 – Алкаево; 20 – Клюквенный 4; 21 – Новый Усад IV; 22–23 – Машкино VI, X; 24 – Волгапино; 25 – Азарапино; 26 – Озименки I; 27 – Потодеево; 28 – Большой Колояр; 29 – Скачки; 30 – Екатериновка; 31–32 – Грабово I, III; 33 – Ивановская IV; 34–35 – Гаврилово III, IV.

Fig. 1. Map of the Imeretian culture sites: 1 – Panfilovo; 2 – Sadovy Bor; 3 – Chernaya Gora; 4 – Iberdus; 5 – Lebyazhy Bor VI; 6 – Mys Dobroi Nadezhdy; 7 – Sorgia; 8 – Zasicnoye I; 9 – Tsigurov Bugar; 10 – Kiselevka; 11–13 – Imerka V, VI, VIII; 14 – Shiringushi; 15 – Zemetchino; 16 – Shiromasovo II; 17 – Shiromasovo I; 18 – Nizhny Satis; 19 – Alkaevo; 20 – Kliukvenny 4; 21 – Novy Usad IV; 22–23 – Mashkino VI, X; 24 – Volgapino; 25 – Azarapino; 26 – Ozimenki I; 27 – Potodeevo; 28 – Bolshoi Koloyar; 29 – Skachki; 30 – Yekaterinovka; 31–32 – Grabovo I, III; 33 – Ivanovskaya IV; 34–35 – Gavrillovo III, IV.

тальными линиями, зигзаги из коротких и длинных отпечатков гребенки, треугольники, реже кресты и лесенка. Для второй группы характерны узоры в виде елочки со стеблем из оттисков штампа, прочерченных линий и ямок, композиции из наклонных прочерченных линий, ямчатых вдавлений в шахматном порядке, вертикальный зигзаг из оттисков штампа, узоры из многорядных зигзагообразных ли-

ний. Керамика первого комплекса из-за наличия более древней раковинной примеси (согласно точке зрения А.Я. Брюсова и И.К. Цветковой) была признана более ранней, а посуда второго комплекса по наличию плоских днищ и профилированных венчиков – более поздней (Третьяков, 1967, с. 232–233). Впоследствии первый комплекс Панфиловской стоянки был отнесен им ко второму этапу

волосовской культуры, а второй – к пятому, завершающему (Третьяков, 1990, с. 20–25).

Материалы Панфиловской стоянки, хранящиеся в Муромском музее, были использованы А.Х. Халиковым при разработке периодизации волосовской культуры. Панфиловские плоскодонные сосуды с Г-образными венчиками, украшенные оттисками крупнозубчатого и среднезубчатого штампов, отпечатками шнура и прочерченными линиями были отнесены им к позднему этапу волосовской культуры и вместе с материалами стоянки Садовый Бор датированы второй четвертью II тыс. до н. э. (Халиков, 1969, с. 134–135, табл. Г; с. 156, рис. 40: 8–10, 12). Точка зрения В.П. Третьякова о выделении панфиловской керамики с раковинной примесью в ранний комплекс не была поддержана А.Х. Халиковым. Он обратил внимание, что на Панфиловской стоянке степень сохранности раковины в тесте зависит от насыщенности слоя гумусом, который замедляет процесс выщелачивания раковин. Поэтому в слабо насыщенном гумусом слое раковина сохраняется значительно хуже и не фиксируется при осмотре (Халиков, 1969, с. 161–162).

К заключительному (панфиловскому) этапу волосовской культуры Панфиловская стоянка была отнесена и О.Н. Бадером. Характерными признаками данного этапа он считал появление сосудов с плоскими днищами и гофрированными венчиками, ухудшение обработки кремня, увеличение числа металлических орудий, появление наконечников стрел подтреугольной формы с усеченным основанием, увеличение количества фигурных кремней, а также распространение животноводства, о котором, по его мнению, свидетельствовали находки костей домашней свиньи на Панфиловской стоянке (Бадер, 1970, с. 31). Стоянка была датирована О.Н. Баде-

ром временем не ранее XV до н. э. Основанием для этого послужила находка подтреугольного наконечника с усеченным основанием, которые, по его мнению, появляются на Оке только в поздняяковское время (Бадер, 1970, с. 33).

Таким образом, несмотря на столетнюю историю изучения Панфиловской стоянки, культурно-хронологический статус её материалов по-прежнему носит дискуссионный характер. Поэтому авторами статьи было принято решение обработать материалы Панфиловской стоянки, хранящиеся в Государственном историческом музее, где они представлены коллекцией керамики и кремневых орудий из раскопок В.А. Городцова и И.К. Цветковой. При этом основное внимание было уделено керамике, поскольку культурная принадлежность кремневых орудий не всегда очевидна.

Знакомство с музейной коллекцией подтвердило точку зрения В.П. Третьякова, что энеолитическая керамика стоянки подразделяется на две группы, однако не по всем критериям, которые им были использованы. Два комплекса керамики были выделены В.П. Третьяковым по примесям в тесте, а справедливость подобного членения была подтверждена различием в орнаментальных мотивах. Однако достаточно большое количество мотивов, общих для обеих групп керамики (36%), на наш взгляд, свидетельствует, что они выделены не совсем корректно. Одной из причин этого, видимо, является факт, на который обратил внимание А.Х. Халиков. У части фрагментов, залежавших в слабо гумусированном слое, раковинная примесь оказалась выщелочена, из-за чего при осмотре они могли быть отнесены в группу керамики с органической примесью. Кроме того, не была учтена техника нанесения орнамента, которая в данном случае

Рис. 2. Керамика волосовской культуры из раскопок В.А. Городцова (1924 г.) и И.К. Цветковой (1950 г.). 1–12 – Венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 2. Ceramics of the Volosovo culture from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924) and I.K. Tsvetkova (1950). 1–12 – corollas from vessels. State Historical Museum funds.

играет более важную роль, нежели орнаментальные композиции. С учетом данных поправок нами были выделены следующие группы керамики. В первую группу вошла практически вся керамика, в тесте которой визуаль-

прослеживались включения раковины. Она была преимущественно орнаментирована отпечатками гребенчатого штампа различной формы: крупнозубчатого, среднезубчатого, спаренного, рамчатого. Отпечатками штампа

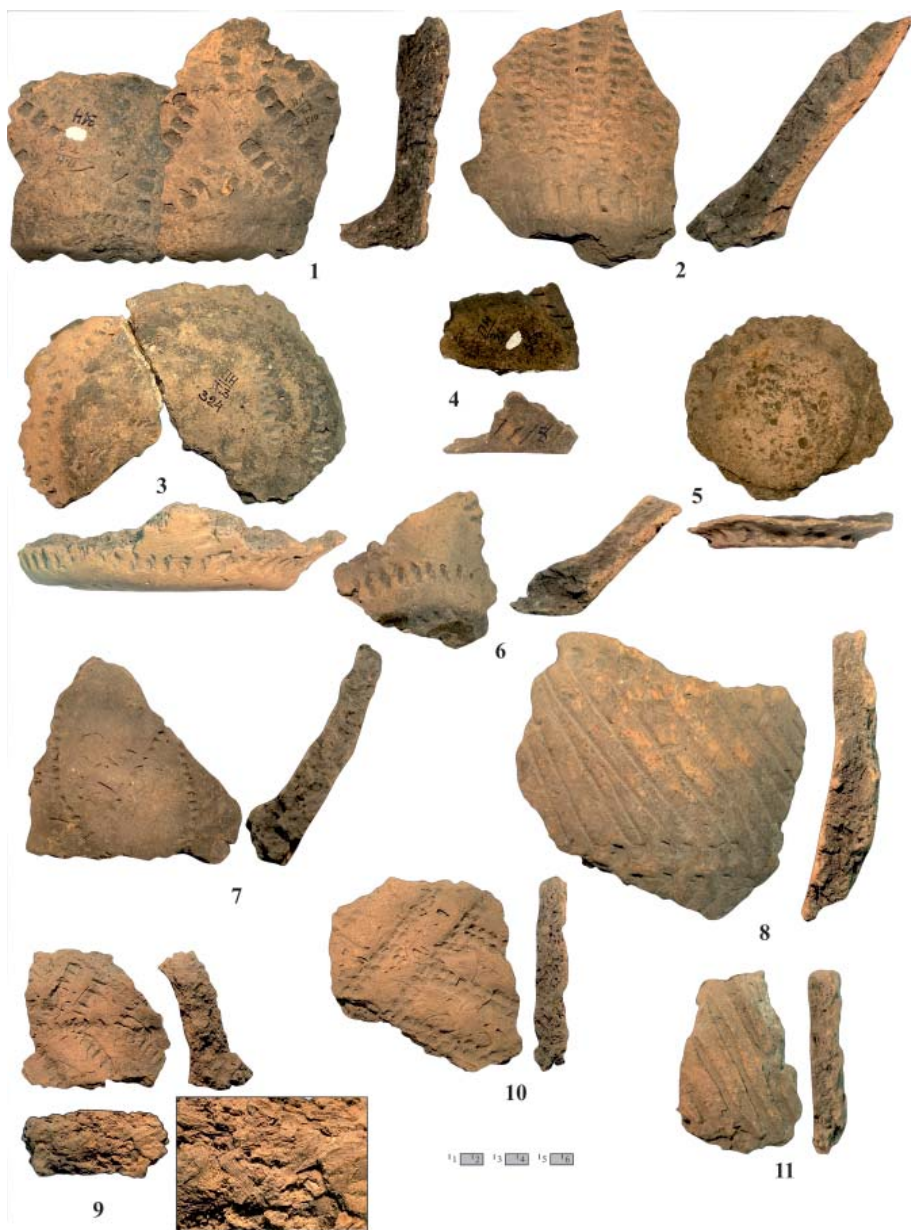

Рис. 3. Керамика из раскопок В.А. Городцова (1924 г.) и И.К. Цветковой (1950 г.).
1–11 – стенки, придонные части и донца от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 3. Ceramics from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924) and I.K. Tsvetkova (1950).
1–11 – walls, bottom parts and bottoms from vessels. State Historical Museum funds.

обычно орнаментированы и срезы венчиков, срез которых уплощенный либо округлый (рис. 2). К этой же группе относится и большая часть керамики, на которой, по наблюдениям В.П. Третьякова, присутствуют моти-

вы орнамента, являющиеся общими для выделенных им групп. Это зигзагообразные линии (иногда двойные), выполненные гребенчатым штампом, «сетка» из оттисков гребенки, мотивы «шагающей гребенки»

Рис. 4. Керамика имеркской культуры из раскопок В.А. Городцова (1924 г.).
1–12 – венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 4. Ceramics of the Imerka culture from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924).
1–12 – rims of vessels. State Historical Museum funds.

(Третьяков, 1967, с. 234–235, рис. 1: 6–12). Подобная керамика находит достаточно близкие аналоги в волосовской посуде со стоянок бассейна Средней и Нижней Оки. Керамика этой группы преобладает в материа-

лах из раскопок И.К. Цветковой, среди Городцовских материалов – она немногочисленна. В.П. Третьяков отнес эту керамику к ранневолосовской, а И.К. Цветкова – к волосовским древностям второго (развитого) этапа. По

Рис. 5. Керамика из раскопок В.А. Городцова (1924 г.).
1–13 – венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 5. Ceramics from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924).
1–13 – rims of vessels. State Historical Museum funds.

коллекции, хранящейся в ГИМ, нельзя дать однозначного ответа на этот вопрос. Данная керамика происходит из слоя, который был разрушен при рытье котлованов жилищ, построенных носителями второй группы керамики.

Её более точную хронологическую позицию установить невозможно.

Керамика второй группы содержит в тесте органические примеси, иногда на её стенках заметны отпечатки выгоревшей растительности, пуха и

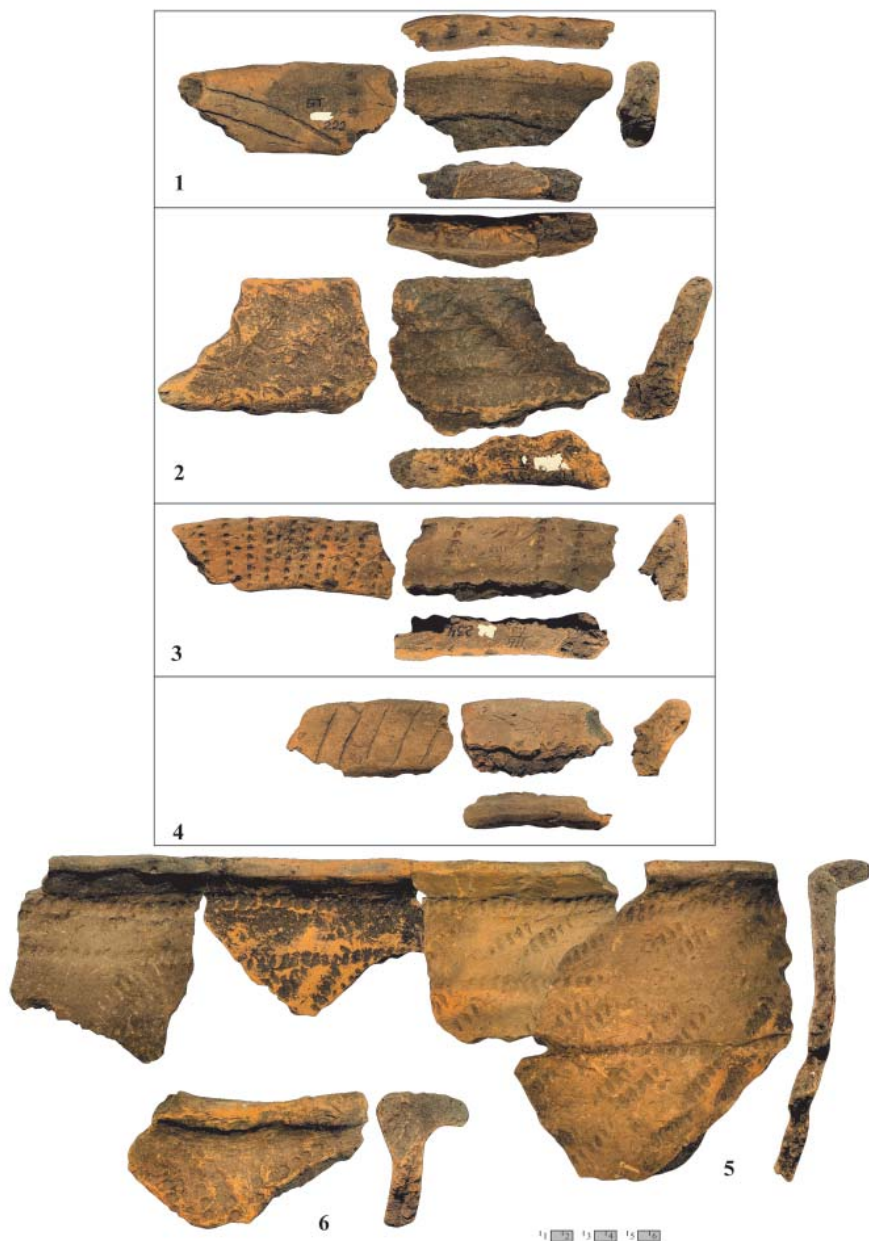

Рис. 6. Фрагменты керамических тиглей и венчики сосудов из раскопок В.А. Городцова (1924 г.). Фонды ГИМ.

Fig. 6. Fragments of ceramic crucibles and rims of vessels from the excavations of V.A. Gorodtsov (1924). State Historical Museum funds..

перьев. В орнаментации широко используются зоны, состоящие из наклонных прочерченных линий, разделенных оттисками короткого штампа или прямоугольных вдавлений с гладким дном (рис. 3: 8), иногда они обра-

зуют геометрические фигуры (рис. 5: 12). Ряд сосудов украшен отпечатками палочки, обмотанной перевитой веревочкой (рис. 4: 7, 8, 11; 6: 5), рядами коротких ногтевидных вдавлений (рис. 5: 1, 2, 7) либо вдавлениями слу-

Рис. 7. Керамика имеркской культуры из раскопок И.К. Цветковой (1950 г.).
1–7 – венчики от сосудов. Фонды ГИМ.

Fig. 7. Ceramics of the Imerka culture from the excavations of I.K. Tsvetkova (1950).
1–7 – rims of vessels. State Historical Museum funds.

чайной формы (рис. 5: 13). Сравнительно редко встречаются отпечатки крупного зубчатого штампа. Некоторые сосуды не имеют орнамента (рис. 4: 5, 9, 10, 12). Большинство венчиков имеют изнутри характерный наплыв овальной формы (рис. 4: 12; 5: 1–3, 12; 7: 5), который на ряде сосудов за счет уплощенности среза венчи-

ка приобретает треугольную форму (рис. 4, 1; 5: 5, 9). Встречаются венчики и без наплыва, которые за счет отогнутости верхнего края имеют Г-образные очертания (рис. 6: 5). У некоторых сосудов горло гофрированное (рис. 4: 2, 4, 5). Все сохранившиеся днища плоские, нередко очень малого диаметра (рис. 3: 1–7, 9). Их

Рис. 8. 1 – фигурный кремь, 2–4 – обработанные ретушью белемниты, 5–23, 26 – наконечники стрел, 24 – наконечник дротика, 25 – сверло, 27 – комбинированное орудие. Фонды ГИМ.

Fig.8. 1 – figured flint, 2–4 – retouched belemnites, 5–23, 26 – arrowheads, 24 – darthead, 25 – drill, 27 – combined tool. State Historical Museum funds.

придонная часть обычно орнаментирована. Выделяется группа сосудов с низким (2–3 см) туловом, которые, видимо, использовались в качестве тиглей (рис. 6: 1–4). О том, что на стоянке осуществлялась выплавка метал-

ла, свидетельствуют находки шлакированной керамики.

Данная группа керамики носит синкретический характер, однако наиболее явно в ней просматриваются признаки имеркской энеолити-

ческой культуры. Прежде всего они проявляются в характерной форме венчиков с традиционным для имеркской керамики наплывом, в широком использовании прочерченного орнамента, образующего типично имеркские композиции. Для имеркской посуды не характерно использование длинного зубчатого штампа и отпечатков веревочки. Однако подобные элементы орнамента эпизодически встречаются на имеркской керамике поселения Лебяжий Бор VI (Королев, Ставицкий, 2006, с. 129, рис. 86: 1, 2, 4, 8). Крупными зубчатыми отпечатками украшены венчики имеркской керамики поселения Широмазово I (Королев, Ставицкий, 1996, с. 128, рис. 85: 14). Гофрированные венчики на имеркских поселениях ранее известны не были, однако технология изготовления и форма этих сосудов не оставляют сомнений в их имеркской принадлежности. Следует отметить, что на территории Прикамья гофрированные венчики получают достаточно широкое распространение на посуде позднегаринского типа (Мельничук, Шипилов, 2021, с. 202). В Марийском Поволжье венчики с волнистым (гофрированным) краем встречаются на посуде юринского типа (Никитин, 2021, с. 179), одним из компонентов которой, на наш взгляд, являются древности катакомбно-лбищенского облика. На Екатерининском поселении на Верхней Суре, расположенном на высоком мысовидном выступе второй надпойменной террасы, было зафиксировано совместное залегание данных материалов с имеркской керамикой (Ставицкий, 2006, с. 35–36).

Следует также отметить, что панфиловская посуда не обладает полным перечнем признаков имеркской культуры. В частности, здесь совершенно отсутствуют конические формы днищ, которые имеются в большинстве представительных коллекций

имеркской керамики (Королев, Ставицкий, 2021, с. 211–214). Возможно, это является хронологическим признаком. Кроме того, прослеживается существенное волосовское воздействие, что проявляется в широком использовании зубчатого штампа.

При анализе кремневого инвентаря практически все исследователи особое внимание уделяли наконечникам стрел, тщательность отделки которых противоречит мнению О.Н. Бадера об ухудшении техники обработки кремня в период существования Панфиловской стоянки. Преобладающими являются подромбические, листовидные и треугольно-черешковые формы (рис. 8: 5–23). Особенный интерес представляют два наконечника: треугольный и черешковый четырехшипный (рис. 8: 15, 20). Как отмечалось выше, О.Н. Бадер не согласился с мнением В.А. Городцова о возможных катакомбных истоках треугольного наконечника, полагая, что в бассейне Оки такие формы появляются только на поздняковских памятниках, и относил их к сейминскому хронологическому горизонту (Бадер, 1970, с. 33). Однако на поздняковских памятниках подобные формы единичны, для них более характерны треугольно-черешковые наконечники с выделенными шипами, время появления которых действительно относится к сейминскому горизонту. Они, например, хорошо представлены в материалах могильника Лебяжий Бор, где, кстати, в первом погребении кургана 26 был найден и четырехшипный наконечник (Ставицкий, Королев, 2021, с. 516, рис. 5). Треугольные наконечники катакомбной культуры обычно имеют выемчатое основание, тем не менее на Пензенской стоянке на Верхней Суре, где присутствует катакомбная керамика, были найдены и треугольные наконечники, практически аналогичные панфиловскому (Ставицкий, 2005, с. 17–34).

Заключение. Датируя выделенную им панфиловскую культуру второй половиной III тыс. до н. э., В.А. Городцов сакраментально заметил, что «это определение настолько верно, насколько верны современные знания русской археологии» (Городцов, 1926, с. 16). Однако данная хронология и выделенная им панфиловская культура не получили признания. Между тем, как стало ясно теперь, В.А. Городцов был значительно ближе к истине, чем его оппоненты. Поскольку полученные им при исследованиях материалы действительно не относятся к волосовской культуре. После раскопок А.А. Выборнова и В.П. Третьякова стоянки на озере Имерка по-

добные материалы были выделены в особую имеркскую культуру. Предложенная В.А. Городцовым хронология долгое время казалась всем слишком удревненной, однако с учетом того что имеркские древности приходят на смену волосовским, городцовская дата представляется достаточно реалистичной. Согласно калиброванным датам, полученным по почве из ям поселения Волгапино (ГИН 9417) 3550 ± 120 BP, 2205–1605 calBC; (ГИН 9418) 3750 ± 70 BP, 2351–1953 calBC, нижний предел существования имеркской культуры приходится на последнюю треть III тыс. до н. э. (Королев, Ставицкий, 2021, с. 208).

Благодарности: Авторы выражают благодарность Азарову Евгению Сергеевичу, заведующему сектором отдела археологических памятников Государственного исторического музея, за возможность ознакомиться с коллекцией Панфиловской стоянки, а также сотрудникам Муромского историко-художественного музея за возможность использования в публикации фотографий каменных орудий Панфиловской стоянки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бадер О.Н. Бассейн Оки в эпоху бронзы. М.: Наука, 1970. 176 с.
2. Брюсов А.Я. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952. 264 с.
3. Городцов В.А. Панфиловская палеометаллическая стоянка // Материалы по изучению Владимирской губернии / Труды Владимирского государственного областного музея. Вып. 2 / Ред. А.И. Иванов. Владимир: Призыв, 1926. С. 3–20.
4. Королев А.И., Ставицкий В.В. Примокшанье в эпоху раннего металла. Пенза: ПГПУ, 2006. 202 с.
5. Королев А.И., Ставицкий В.В. Имеркская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 208–221.
6. Мельничук А.Ф., Шипилов А.В. Гаринская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 195–207.
7. Никитин В.В. Средневолжский вариант волосовской культурно-исторической общности (майданская культура) // Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 164–186.
8. Ставицкий В.В. Динамика взаимодействия культур раннего бронзового века волго-донской лесостепи // РА. 2006. № 1. С. 31–43.
9. Ставицкий В.В. Памятники катакомбной культуры Сурско-Мокшанского междуречья // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 7 / Отв. ред. А.С. Скрипкин. Волгоград: Изд-во Волгоградского ун-та, 2005. С. 17–34.
10. Ставицкий В.В., Королев А.И. Поздняковская культура // Энеолит и бронзовый век / Археология Волго-Уралья. Т. 2 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова; отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 509–521.
11. Третьяков В.П. Волосовская керамика Панфиловской стоянки // СА. 1967. № 1. С. 233–235.

12. Третьяков В.П. Волосовские племена в Европейской части СССР в III–II тыс. до н. э. Л.: ИА РАН, 1990. 212 с.

13. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 394 с.

14. Цветкова И.К. Волосовские неолитические племена // Археологический сборник. Труды ГИМ. Вып. XXII / Ред. А.Я. Брюсов. М.: Госкультпросветиздат, 1953. С. 21–51.

Информация об авторах:

Ставицкий Владимир Вячеславович, доктор исторических наук, профессор. Пензенский государственный университет (г. Пенза, Россия); stawiczky.v@yandex.ru

Морозов Виктор Владимирович, кандидат исторических наук, директор ООО «Археология Восточно-Европейской равнины» (г. Москва, Россия); vikromolot@mail.ru

ON THE CULTURAL ATTRIBUTION OF THE PANFILOVO SITE

V.V. Stavitsky, V.V. Morozov

The authors analyze the materials kept in the collections of the State Historical Museum. According to the results of excavations of the site V.A. Gorodtsov singled out the Panfilovo archaeological culture, which he attributed to the Paleometallic period and dated to the second half of the III millennium BC. This conclusion was disputed by A.Ya. Brusov, who attributed the Panfilovo antiquities to the late stage of the Volosovo culture. His point of view, supported by other researchers, has long kept its relevance. V.P. Tretyakov divided Eneolithic pottery of the site into early and late stages. Author's study of the Panfilovo site materials showed that only the ceramics of the early stage belongs to the Volosovo culture, attributed by V.P. Tretyakov to the early group. The rest of the pottery belongs to the Imerka culture, which accepted a certain influence from the Volosovo traditions. The radiocarbon dates of the Imerka settlement of Volgapino indicate that the chronology of the site proposed by V.A. Gorodtsov is quite realistic.

Keywords: archaeology, Eneolithic, Russian Plain, Panfilovo site, periodization, Volosovo culture, Imerka culture, last third of the III millennium.

REFERENCES

1. Bader, O. N. 1970. *Bassin Oki v epokhu bronzы (Oka River Basin in the Bronze Age)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
2. Bryusov, A. Ya. 1952. *Ocherki po istorii plemen Evropeyskoy chasti SSSR v neoliticheskuyu epokhu (Essays on the history of the tribes of the European part of the USSR during the Neolithic period)*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).
3. Gorodtsov, V. A. 1926. In Ivanov, A. I. (ed.). *Materialy po izucheniyu Vladimirskoy gubernii (Materials on the study of the Vladimir province)*. Trudy Vladimirskogo gosudarstvennogo oblastnogo muzeya (Proceedings of the Vladimir State Regional Museum) 2. Vladimir: "Prizyv" Publ., 3–20 (in Russian).
4. Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2006. *Primokshan'e v epokhu rannego metalla (The Moksha Region during the Early Metal Period)*. Penza: Penza State Pedagogical University (in Russian).
5. Korolev, A. I., Stavitskiy, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 208–221 (in Russian).
6. Mel'nichuk, A. F., Shipilov, A. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 195–207 (in Russian).
7. Nikitin, V. V. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 164–186 (in Russian).
8. Stavitskiy, V. V. 2006. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (3), 31–40 (in Russian).
9. Stavitskiy, V. V. 2005. In Skripkin, A. S. (ed.). *Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 7. Volgograd: Volgograd State University, 17–34 (in Russian).
10. Stavitskiy, V. V., Korolev, A. I. 2021. In Sitdikov, A. G.; Chizhevsky, A. A. (eds.). *Eneolit i bronzovyy vek (Eneolithic and Bronze Age)* Series: Archaeology of the Volga-Urals. Vol. 2. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 509–521 (in Russian).

11. Tret'iakov, V. P. 1967. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 233–235 (in Russian).
12. Tret'iakov, V. P. 1990. *Volosovskie plemena v Evropeiskoi chasti SSSR v III–II tys. do n.e. (Volosovo Tribes in the European Area of the USSR in 3rd–2nd Millennia B.C.)*. Leningrad: Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences, (in Russian).
13. Khalikov, A. Kh. 1969. *Drevniaia istoriia Srednego Povolzh'ia (Ancient History of the Middle Volga Region)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).
14. Tsvetkova, I. K. 1953. In Bryusov, A. Ya. (ed.). *Arkheologicheskii sbornik (Archaeological Collection of Papers.)*. Series: Proceedings of the State Historical Museum 22. Moscow: "Goskultprosvetizdat" Publ., 21–51 (in Russian).

About the Authors:

Stavitsky Vladimir V. Doctor of Historical Sciences. Professor. Penza State University. Krasnaya str. 40, Penza, 442052, Russian Federation; stawiczky.v@yandex. ru

Morozov Victor V. Candidate of Historical Sciences. LLC "Archaeology of the East European Plain". Prospect Mira, 89–174, Moscow, 129085, Russian Federation; vikromolot@mail.ru

Статья принята к публикации 01.03.2023 г.